

В такси меня, по обыкновению, укачало. Стоило заехать в город, как начало мутить, затем тошнота перешла в зуд, который вскоре обещал перейти в невыносимую головную боль.

Оставив большую часть вещей в гостинице, я натянул на себя любимый кашемировый свитер с высоким воротом и направился в ресторан, адрес которого пришел мне в «телеграме» с пометкой «место встречи». Было еще полчаса на то, чтобы привести себя в порядок и перекусить.

Интерьер мне понравился: современный, но уютный, с мягкими синими диванами у кирпичных стен, стеклянными столами и яркими лампами, висящими на нарочито грубых цепях. Я выбрал место, откуда была видна входная дверь, пообщался с симпатичной официанткой, заказав сэндвич с курицей и авокадо, овощной салат и морковный фреш, а когда девушка ушла, откинулся на спинку дивана.

Хотел посидеть в тишине, но в смартфоне пискнула напоминалка. Я достал из кармана таблетницу, открыл и пробежал пальцами по ячейкам, улыбнулся: пришло время моей любимой добавки – большой, белой в бежевую крапинку, призванной поддерживать иногда ноющие суставы.

Официантка принесла заказ, мы улыбнулись друг другу: я – мысленно одобряя ее короткую стрижку и ладную фигурку, она – рассчитывая на чаевые от приятного клиента. Я не надеялся, что

могу ей понравиться как мужчина: низкий, полный, я для всех девушек с самого момента знакомства становился не гордым Артемом, а милым, безопасным Темой, которому можно пожаловаться на жизнь и с которым можно вместе съесть по стаканчику мороженого, пока ждешь свидания с кем-то помужественнее. Меня это, в общем-то, устраивало.

Тем временем в ресторан зашел невысокий, крепко сбитый мужчина с налысо обритой головой и грубоватыми чертами загорелого лица, которое странно контрастировало с деловым костюмом темно-синего цвета. Оглядев почти безлюдное помещение, мужчина решительно двинулся к моему столику. Остановился, нависнув, и я с улыбкой, исподлобья на него взглянул.

– Ты, что ли, наш специалист? Артем? – грубовато спросил мужчина, недовольно поджав губы.

– Можно и так сказать, – мягко ответил я, неторопливо расставляя перед собой тарелки и примеряясь вилкой к особо аппетитному кусочку помидора. – Если дело соответствует моему профилю, я весь ваш!

Мужчина нахмурился. Было видно, что я не вызываю у него доверия. Слишком молод, слишком румян и дружелюбен. Но что поделать? Ему сказали обратиться именно ко мне.

Мужчина опустил на соседний диван, положил на колени чемодан и поочередно шелкнул блестящими замками.

– Если верить моему начальству, то соответствующий. Я Петр. Вот твое дело. – Мужчина достал и положил на стол толстую папку.

Я неторопливо съел приглянувшийся помидор, откусил уголок сэндвича и, жуя, принялся листать бумаги.

Взгляд привычно вычленил в ворохе информации самое важное: район, время смерти, то, с какой скоростью разлагались тела. Я отложил бумажки в сторону и занялся фотографиями. Их тщательно распечатали на фотобумаге, подумав, что мне будут важны цвета.

Я снова откусил сэндвич и пробормотал с набитым ртом:

– Хм. Какая прелесть...

– Ты называешь это прелестью? – глухо спросил Петр. – Эта тварь убивает людей!

Пришлось поднять на него взгляд.

– Эта тварь называется Пассажир. – Я взял одну из фотографий и чуть нахмурился. – И я думаю, что это не убийство.

– Чем еще это может быть? – Петр сжал загорелые кулаки, его глаза блестели от злости и сдерживаемого страха. – Людям выгрызают кусок мозга! К нам с опаской подошла моя официантка, и Петр мрачно сказал ей:

– Американо, большой.

Я покачал головой и вновь пробежал глазами по фотографиям. У всех троих убитых были одни и те же отметины: цепочки небольших ран с двух сторон позвоночника и широкая дыра в основании черепа. Там в тело еще живой жертвы вгрызались мощные челюсти...

Со стороны барной стойки трудолюбиво заурчала кофемашинка.

– Убивая, Пассажиры ломают людям кости, – задумчиво сказал я. – Это больше похоже на попытку захватить тело...

Петр вздрогнул и уже по-другому на меня посмотрел. Я мог представить, что он чувствует. Всего за пару дней бедняга узнал, что по соседству с людьми живет нечто страшное, способное управлять человеком, а начальство отреагировало на эту новость как на давно известный факт.

Еще и совсем молодой парнишка оказался специалистом по тварям.

Официантка принесла кофе.

– Значит, вот как они это делают? – спросил Петр, поевшись и отхлебнув из чашки. Он заметно побледнел.

– Да, но обычно это получается. – Я задумался на секунду и нахмурился. – Почему не вышло сей-

час? Я попробую узнать и выслежу того, кто это делает. Когда найду его, я с вами свяжусь.

– Сам-то не справишься? – напрягся Петр.

В нем почти зримо боролись любопытство и нежелание увидеть Пассажира вживую.

– Я могу его найти, – ответил я. – Но сражаться... Вы поглядите на меня! Я и с обычным-то человеком не справлюсь. И оружия у меня нет, а вы, – я выразительно покосился на Петра, – вы выглядите так, будто у вас есть на него разрешение.

Я немного лукавил, но надеялся, что это не очень заметно.

Петр задумался, потом с неохотой кивнул.

– Я приеду. Если эти твари живут рядом с людьми, я должен увидеть, с чем имею дело.

Я кивнул и вновь занялся едой, почти не чувствуя вкуса. Мысленно я уже бродил по ночному городу, выслеживая Пассажира, но все еще не знал, с чего начать. К тому же слишком многое было мне пока непонятно...

Вновь пискнула напоминалка, я рассеянно достал таблетницу под внимательным взглядом Петра.

– Это еще что?

– БАД, – ответил я, посмотрев на проходящую мимо официантку. – Полезно для здоровья. Счет принесите, пожалуйста!

– Заботишься о себе? – невесело усмехнулся Петр.

– Тело человека – храм, – гордо ответил я и неодобрительно взглянул на его кофе. – В здоровом теле мыслишь лучше, а для моей работы это важно.

Петр покачал головой. Кажется, его все еще обуравали сомнения на мой счет.

– Когда ты пойдешь его выслеживать?

Официантка принесла счет, в него вписали и кофе для Петра, но я решил не замечать этого. Девушка смотрела на меня как-то иначе. Интересно, что из нашего разговора она слышала? Во что поверила?..

– Ночью, – ответил я, доставая кошелек и отсчитывая деньги за обед вместе с чаевыми. – Пока я пойду в гостиницу, спать. Парню моего возраста надо спать восемь часов в сутки, а я, как вы уже заметили, – я по-доброму усмехнулся, – о себе забочусь. На охоту выйду ночью.

* * *

Я взял с собой рюкзак, в который собрал все необходимое: заряженный смартфон, таблетницу, бутылку воды, вареную куриную грудку в контейнере, коврик для йоги и сменные носки.

Весна в этом году радовала теплыми ночами, выманивая людей на поздние прогулки. Однако когда я вышел из гостиницы и пошел вперед по улице, почти все горожане уже разошлись, остались только редкие собачники и отдельные прохожие, спешащие по домам.

Город пах сиренью, шуршали поздние машины, тепло светились отдельные окна в домах – романтика, да и только! Если бы я не знал, что где-то в городе бродит Пассажир, даже смог бы насладиться прогулкой...

Я свернул с главной улицы и пошел дворами. Что-то влекло меня туда, в темноту, где не горят фонари, куда не ходят нормальные люди, ощущая, что там может скрываться чудовище. Я тоже ощущал это.

На стенах виднелись граффити и торопливые трафаретные надписи со ссылками на покупку наркотиков и прочей гадости.

Где-то в затылке, под костями, неприятно зудело, во рту чувствовался привкус крови. Обозначая присутствие Пассажира, зуд не отступал с того самого момента, как я приехал сюда. Он становился то сильнее, то слабее, но не проходил.

Я свернул еще раз, недовольно поморщился: вновь широкая освещенная улица. Мне нравилась темнота, к тому же именно в ней охотился Пассажир, а чтобы понять, почему он стал убивать, нужно было мыслить так же.

В какой-то момент зуд усилился. Мимо торопливо прошла статная женщина лет сорока, одетая в черную водолазку и красивую прямую юбку, открывающую крайне привлекательные ноги. Я обернулся ей вслед, долго глядя то на ноги, то на удаляющуюся спину. Потом покачал головой: что я делаю, с ней моего Пассажира точно нет.

Это было бы сразу заметно, распад тела никто не отменял...

Я, конечно, мог пойти кругами, прислушиваясь к зуду. Прийти туда, где он стал бы невыносимым, и найти там Пассажира. Но я хотел понять, я должен был разобраться...

Если Пассажиру нужно было новое тело, он мог бы легко вселиться в другое. Все, что нашли бы люди на следующий день, – почти полностью разложившийся труп, которым Пассажир управлял до этого. Почему же тел так много? Почему существо пыталось занять их, раз за разом претерпевая неудачу?

Это было важно. Очень, очень важно!..

Я свернул и прошел между очередными многоэтажками, прошел по металлическому мосту над теплотрассой, почти миновал аккуратный дворик,

засаженный цветниками, но вдруг остановился, прислушиваясь.

За деревьями справа стояла беседка, и в ней сидела компания. Молодые ребята, сейчас они смеялись какой-то шутке, и смеялись странно...

Я подумал и двинулся к ним. При звуке шагов нездоровый смех затих, парни настороженно смотрели в мою сторону, тихо переговариваясь.

Я постарался улыбнуться как можно дружелюбнее:

– Ребята! Привет!

– Чего тебе? – неприятно откликнулся один из них, бледный блондин в потрепанной ветровке и майке с принтом «Рика и Морти».

Я обратил внимание на его руки, покрытые сеткой проступивших капилляров.

Как интересно...

– Под чем это вы? – с любопытством спросил я, и парни напряглись еще больше.

– Что?! – выдохнул тот же парень, его серые глаза, казавшиеся черными из-за расширенных зрачков, злобно сузились.

– Где это купить? – не унимался я.

Вот оно! Вот она, разгадка! Как я сразу не догадался...

– Слышь, отвали! – рявкнул другой наркоман, постарше, с грязными русыми волосами, завязанными в хвост.

– Нет, правда, где? – Я еле сдерживал радостный смех, и они это заметили.

– Тебе че, проблемы нужны?! – Набывчившись, «Рик и Морти» шагнул ко мне.

Я не сдвинулся с места, глядя на него снизу вверх. По телу горячей волной пробежал адреналин, кажется, я даже мог напасть на этого парня, только чтобы дать выход агрессии. Конечно, меня бы, скорее всего, побили, может, сломали бы нос и хорошенько отпинали.

А я только недавно закончил пить таблетки для почек...

– Извини. – Я улыбнулся, мирно глядя в глаза парня. – Мне просто было любопытно.

– Проваливай! – рыкнул он в ответ, мелко подрагивая.

Неужели он меня испугался?

Я кивнул ему и остальным, двинулся дальше, оставив их тихо переговариваться и смотреть мне вслед. Выйдя со двора, внимательно прислушался к себе и резко поменял направление.

Теперь я понял, что случилось. Радость открытия угасла, накатили злость и недоумение.

Черт возьми, какой же он идиот!..

умрет, в мучениях. – Я вздохнул. – Так что мы даже окажем ему милость, когда дубьем.

– Хорошо! – Петр сощурился и достал из кобуры пистолет. – Для этого мы здесь!

Я выставил вперед руку, глядя на него очень, очень серьезно.

– Мы зайдем туда, и все, что от вас требуется, – застрелить человеческое тело. А потом просто отойдите, с Пассажиром я сам разберусь.

– Ладно-ладно, – отмахнулся Петр.

Его глаза горели мрачным азартом, и это нравилось мне все меньше. Я не двинулся с места:

– Это важно! Не пытайтесь сражаться с ним! Просто отойдите.

– Сказал же – ладно! – Петр снял пистолет с предохранителя и сделал шаг вперед.

Я со вздохом пропустил его.

Конечно, я тоже запросил у руководства характеристику Петра перед тем, как прийти сюда. Результат не радовал – с таким послужным списком он наверняка сейчас считает себя главным в нашей паре. А ведь именно сейчас ему стоит слушаться меня беспрекословно.

Иначе можем умереть мы оба.

Петр решительно толкнул скрипучую дверь, и меня охватило нехорошее предчувствие.

* * *

Внутри было темно, только редкие солнечные лучи пробивались сквозь забитые досками окна, и в них плясала мелкая пыль. Стены дома, покрытые гарью, вздулись и покосились. Тем чужероднее смотрелись местами куски уцелевших обоев – дорогих, с золотистыми узорами, отсвечивающими в свете включенного Петром фонарика.

Под ногами хрустел уголь и осколки бутылок, тут и там виднелись брошенные банки и россыпь окурков. Когда-то здесь собирались люди, но сейчас вряд ли какая-нибудь молодежь захочет провести тут время: от здания исходило какое-то мерзкое, неприятное ощущение.

Пахло мокрым углем, старым табаком и тяжелой болезнью.

Петр шел впереди меня, чуть согнувшись и нацелив пистолет в темноту. Я видел его напряжение, его страх, но не мог ничем помочь. Мне тоже было неудобно, я не знал, чего ждать от умирающего Пассажира.

И откуда его ждать...

Перешагнув через поваленную балку, Петр осветил на ближайшую стену и охнул. Я присмотрелся и покачал головой: по обугленной, испещренной

глубокими трещинами поверхности тянулись, извиваясь, два длинных ряда царапин. Следы лап.

– Он пытался впитать углерод из стены, – шепнул я. – Поддержать в себе жизнь еще немного.

– Где же он прячется? – также шепотом спросил Петр.

Мы зашли в бывшую кухню. Кажется, здесь-то пожар и зародился: потолок обвалился, и свет заливал дальнюю половину комнаты, где темнел только проход в кладовую. От мебели почти ничего не осталось, только покореженный от жара холодильник и лежащая в углу почерневшая раковина.

Слева от нас был вход в подвал – дверной проем и металлическая лестница, уходящая вниз, откуда пахло сырой землей и ржавчиной.

Я бы прятался там.

Обменявшись со мною знаками, Петр тяжело вздохнул и начал спускаться, подсвечивая путь фонариком. Я должен был идти следом, но раздавшийся за спиной шорох заставил оглянуться.

Человек в грязной толстовке схватил меня за горло и с силой впечатал в стену рядом с дверью. Сверху посыпались угольки, меня окатило запахом гниения, я вцепился в руку, сжимающую шею, и слабо пискнул: «На помощь!»

Услышал ли меня Петр? Спасет ли?

Почему мы не проверили кладовку!..

Я слабо трепыхался и пытался сделать вдох, беспомощно глядя в лицо напавшего. Оно все было покрыто гноем, сочащимся из лопнувшей в разных местах бледной кожи и мутных, побелевших глаз. Последняя стадия распада.

«Я не хочу! Но если Петр не успеет, выбора не будет...»

Выстрел!

Враг дернулся и злобно зашипел. Когда он вновь повернулся ко мне, стало видно, как нечеловечески перекосилось его лицо, теперь наполовину залитое черной кровью. Он медленно потянулся ко мне мерзким раскрытым ртом, я пытался отвернуться, но эта гадость была все ближе...

Петр врезался во врага плечом и отбросил его от меня. Тут же выстрелил, и еще раз. Враг извивался и шипел, пытаясь подняться, но каждый новый выстрел отбрасывал его обратно.

– Живой? – Петр вздернул меня на ноги, дышать еще было трудно, но я кивнул. – Отлично!

Он развернулся и прицелился. Новым выстрелом снес половину головы, враг забился сильнее, разинув рот с редкими черными зубами.

После следующего выстрела противник затих, рухнув на пол и больше не пытаясь подняться.

Я с трудом вздохнул и сделал несколько шагов к мужчине, мысленно отсчитывая драгоценные секунды.

– Хорошо, теперь моя очередь...

– Смотри! – перебил меня Петр, указывая на поверженного противника.

Труп снова дергался, но уже не так, как раньше! Руки и ноги не двигались, но спина резко выгибалась и вновь опадала. Пассажир рвался к нам из-под толстовки!

– Стой, не надо! – крикнул я, но Петр, не слушая, нажал на спусковой крючок и выстрелил в шевелящуюся спину трупа.

То, что произошло потом, я никогда не смогу забыть.

Спина трупа с треском разошлась вместе с толстовкой. Брызнула черная кровь, и с ней в воздух взметнулось длинное блестящее тело с множеством алых лап. Мелькнула, шелкнув жвалами, безглазая вытянутая морда, Пассажир в один длинный прыжок оказался на груди Петра и обвил его своим резко растянувшимся телом.

Петр, выронив пистолет, вцепился в охватившие его кольца, потом дернулся и заорал:

– Сними с меня эту тварь!..

– Прости, – выдохнул я, пятясь. – Поздно...

Глаза Петра расширились, рот раскрылся. словно услышав меня, Пассажир усилил хватку. Крик Петра захлебнулся, раздался оглушительный треск. Мужчина рухнул на колени и согнулся, словно в молитве, только дергался снова и снова, когда Пассажир ломал ему оставшиеся кости.

Я на секунду закрыл лицо руками: почему, почему ты меня не послушал? Я же сказал, я же считал секунды...

Заставил себя встряхнуться и выпрямиться. Поздно искать виноватых. Надо закончить то, ради чего мы сюда пришли.

Петр уже обмяк и уткнулся лбом в пол. Его грудь стала какой-то кривой и узкой, Пассажир, шипя, разжимал свои кольца. Его слепая морда покачивалась из стороны в сторону, существо теперь будто смотрело прямо на меня.

Я сделал шаг вперед и опустился на землю, плавно сев в позу лотоса. Закрыл глаза и заставил себя отстраниться. Уйти от этого дома, крови и безумия, от собственного тела...

Мир вдруг стал очень темным и понятным, запахи стали реальными, их можно было потрогать и попробовать на вкус. Один запах окружал меня всего – запах родного тела, которое я так любил. Но надо было вновь выбираться из этого уютного кокона...

Я с чавканьем освободил голову из теплоты контроля, рывком вырвал ноги из сытости спины. Осторожно, чтобы не повредить любимый свитер, выскользнул из ворота и пополз вперед.

Впереди чуялся сородич. Теперь я ощущал его голод и страх, слышал его мысли...

«Брат?..»

Сородич пополз мне навстречу.

«Спаси...»

Я нащупал его и скользнул вдоль, вдыхая запах. Я чувствовал, как сильно он болен, как кисло и остро ему внутри. И двигался сородич не так, как надо по ритуалу, лишь медленно поворачивался вслед, скручиваясь в клубок в кольце меня.

«Здравствуй, брат. Мне тебя жаль!» – подумал я. Если бы у меня оставались глаза, сейчас в них стояли бы слезы.

«Голодный...»

«Зачем ты поступил с собой так? Чего тебе не хватало?»

«Враги... одиноко...»

«У меня нет другого выбора. Ты убиваешь, так нельзя!..» – Я скрежетнул жвалами, вспоминая лицо Петра. И те фотографии из дела... одной девушке не было и тридцати! Она была такой красивой!

«Поесть...» – взмолился Пассажир, приподнимая голову.

«Я не могу тебе помочь, брат! Если люди узнают о нас, мы все погибнем!»

Я метнулся наверх и вбок, навалился на собрата сверху, прижимая его к грязному полу. Он мог сломать пополам человека, но я был сильнее. Тело, за которым я так ухаживал, питало меня годами. Я придавил сильнее и нащупал узкий промежуток между пуленепробиваемыми пластинами, в самом основании узкого черепа.

«Прости...»

Я вгрызся, не обращая внимания на хлынувшую в рот кислотность и горечь. Это казалось правильным – страдать вместе с сородичем, убивая его.

«Больно...»

Голова с распахнутыми жвалами покатила по полу, оставляя влажные следы бесцветной крови. Тело Пассажира несколько раз вздрогнуло и замерло.

«Пожалуйста, прости меня, брат».

Я горестно зашипел и метнулся назад, торопливо нырнул в мягкий свитер и внедрил в теплоту и сытость. Было важно не тратить время – тело начинает разрушаться с каждой секундой, как только ты его оставляешь.

А я не для того так о нем заботился...

* * *

Передо мной стояла тарелка с куриным бульоном и плавающей половинкой яйца, на которую я смотрел с большой симпатией. Я собирался это съесть, несмотря на тошноту, не отступавшую с момента, как пришлось ненадолго оставить свое тело.

В памяти моего человека были весьма смутные воспоминания о похмелье, но сейчас я точно чувствовал нечто похожее. А еще где-то читал, что похмелье часто сопровождается чувством вины...

Я вздохнул, вспоминая, как погиб Петр. Бедный человек так и не понял, ради чего все это было...

Яйцо кувыркалось в тарелке, выскальзывая из ложки и разбрасывая кусочки желтка. Пикнула напоминалка, и я послушно потянулся за таблетницей. Некоторые добавки придется пить вдвое чаще, пока мое человеческое тело не восстановится полностью. Я не хотел покрыться трупными пятнами и сочиться гноем, как тело убитого мною собрата...

А ведь именно поэтому я медлил. Не хотел отделяться от тела ни на секунду больше, чем надо. И Петр, бедняга... Он погиб из-за моей слабости.

Сердце вновь сжалось от остро нахлынувшей вины. Если бы я вступил в бой раньше, то человек мог бы сидеть сейчас со мной. Пил бы свой мерзкий кофе, буравил бы меня взглядом, допытывался бы о том, сколько еще таких, как я, прячется среди людей...

И что бы я ему ответил?

Много! Нас очень много, Петр. Мы вот уже тысячу лет соседствуем с вами, людьми, и заботимся о том, чтобы вы жили дольше. Ведь люди – наш путь в бессмертие.

Если, конечно, не делать глупых ошибок...

Пиликнул телефон. Я взглянул на экран и поморщился: пришли деньги за убийство собрата. Шестизначная сумма, может, и решала многие мои проблемы, но душу совсем не грела.

Как же люди справляются с чувством вины? Обычно пьют всякую гадость. Может, попробовать кофе? Я подозвал официантку, пока не успел передумать.

Вдруг он не такой уж и мерзкий...

Кофе принесли. Я допил свой бульон и решительно потянулся к чашечке с эспрессо.

– Отважный Петр. – Я заставил свою человеческую руку осторожно поднять кофе. – Я пью за тебя!

Я глотнул и сморщился от горечи.

Нет, какая все-таки гадость!